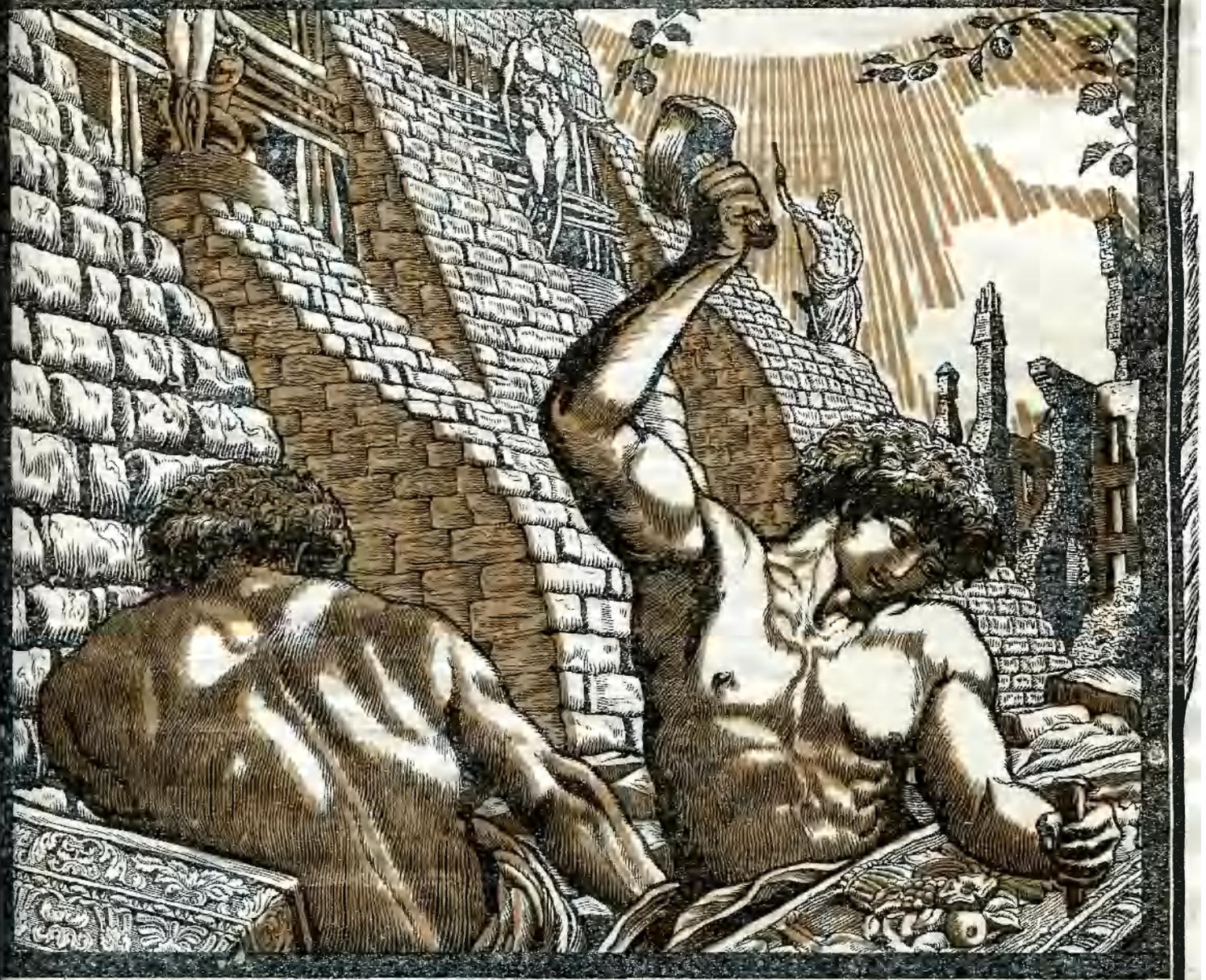

ГОЛОСЪ
ЖИЗНИ
1915 № 9

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 9.

Обо всемъ: 1) А. Нр. „Равноцѣнности“. 2) И. В. „Золото въ Россіи“. 3) Т. „Ненужная лекція на важную тему“.

Н. Бородинъ. „Остендъ и морское побережье Бельгии“ (статья).

Я. Окуневъ. „На войнѣ“ (боевые впечатлѣнія).

М. Моравская. „Золушка“ (стихотворенія).

Студентъ Н. С. „Студенчески журналъ“ (статья).

Солдатскія письма.

В. Бестужевъ. „Литературно-общественная смѣна“.

Объ искусствѣ и литературѣ. (Вѣсти и мнѣнія.) 1) Р. Р. „Ананасы въ ханжѣ“. 2) Д. Крючковъ. „Тихія пѣсни“.

ХРОНИКА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

6 иллюстр. къ статьѣ Н. Бородина. „Аббатъ Пипъ“. (Остендъ, 1913 г.) (Стр. 1), „Аббатъ Пипъ и его питомцы школы рыболовства“ (стр. 3), „Обученіе малышей мореплаванію“ (стр. 4), „Лабораторія при школѣ рыболовства“ (стр. 5), „Шьютъ паруса“ (стр. 6), „Обучаютъ обращаться съ компасомъ“ (стр. 7).

7 военныхъ иллюстрацій: „Англискіе солдаты въ зимнемъ одѣяніи“ (стр. 8), „Панорама Варшавы“ (стр. 10--11), „Наблюдатель на крышѣ“ (стр. 13), „Передовой отрядъ Краснаго Креста“ (стр. 13), „Военный почтальонъ“ (стр. 14), „Съ дредноута“ (стр. 15), „Германскія орудія въ плѣну“ (стр. 17).

Три министра финансовъ на конференціи въ Парижѣ (стр. 19).

ЗАСТАВКА Нечитайло-Андреевко (стр. 12).

Два концовки С. Еремина (стр. 8 и 20).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пятн., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Каждый **НОВЫЙ** подписчикъ получаетъ **ВСѢ** **НОМЕРА** журналовъ „**ГОЛОСЪ ЖИЗНИ**“ или „**ВСЕМИРНАЯ НОВЬ**“ съ приложеніями, начиная съ № 1-го.

Необходимо при уплатѣ **ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА** точно указать, желательно ли получать журналъ „**ГОЛОСЪ ЖИЗНИ**“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**, или **БЕЗЪ** этихъ книгъ, а журналъ „**ВСЕМИРНАЯ НОВЬ**“—съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**.

Подписная цѣна журнала „**ГОЛОСЪ ЖИЗНИ**“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО** съ пересылкой—**8 р. 50 к.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ—**3 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го іюня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**
Цѣна за 6 мѣс.—**4 р. 25 к.**, за 3 мѣс.—**2 р. 12 к.**

Подписная цѣна журнала „**ГОЛОСЪ ЖИЗНИ**“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**), съ пересылкой: за годъ—**4 р. 50 к.**, за 6 мѣс.—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.** Разсрочка допускается: при подпискѣ—**2 р. 50 к.**, къ 1-го іюня—**2 р.**

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ** и **ТРИЦАТЬ (30)** коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Открыта ПОДПИСКА на 1915 г. (37 и годъ) издае на еженедѣльн. художественно литературный семейный **ЖУРНАЛЬ**

„РОДИНА“

ОБИЛІЕ и РАЗНООБРАЗІЕ материала для чтенія и иллюстраціи.

УЧАСТІЕ ВЫДАЮЩИХСЯ русскихъ писателей и художн. Въ 1915 г. подписч. получаютъ:

52 №№ ИЛЛ. **ЖУРНАЛА „РОДИНА“** съ повѣст., разск., стих. выдающ. писат. и многими картинами и рисунками.

52 №№ ИЛЛ. **„ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** событія текущей жизни въ рисун. и описан.

52 №№ ИЛЛ. **„РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“** юморист. разск., каррикатуры, игры, забавы.

12 **КАРТИНЪ** ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ по интереснымъ оригиналамъ.

40 **ФОТОГРАВЮРЪ** съ картинъ выдающ. художн. на вкладн. листахъ мѣловой бумаги.

49 **ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:**

12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ съ рисунками.
12 №№ Новѣйшія **МОДЫ** (600 рисун.).
12 №№ лист. выкроекъ. **12** №№ лист. рисунковъ разныхъ любителейскихъ работъ и **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ** на 1915 г. въ краскахъ.

2 **КАРТИНЫ**

БОЛЬШІЯ ПРЕМИИ:
1) „ШАЛОСТИ АМУРА“. 2) „ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА“. Художественно воспроизведенныя многими цвѣтными красками обѣ эти очаровательн. картины **БЕЗПЛАТНО** будутъ даны подписч., которые до 15-го апрѣля 1915 г. внесутъ **ГODOVУЮ ПЛАТУ**.

Подробная ПРОГРАММА высылается **БЕЗПЛАТНО**.

„РОДИНА“ тщательно отражаетъ современн. войну въ разсказахъ, рисунк., снимкахъ и въ особомъ приложеніи

„НЕДѢЛЯ ВОИНЫ“ — обзоры военныхъ и политич. событіи, подвиговъ, сраженій.

80 **КНИГЪ** (8000 страницъ текста)

26 **КНИГЪ** собранія **В. ТИХОНОВА** выдающаго современн. беллетриста и драматурга, извѣстнаго

всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 80 романовъ и проч.
Первая 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА высыл. новымъ подписчикамъ за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азиатскую Россію.

12 **КНИГЪ** иллюстр. **СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ **ВОЕННЫЕ** и военно-историч. романы В. В. Муйжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Маурина, а также соврем. бытов. и историч. романы И. Н. Потапенко, кн. М. Н. Волконскаго, Б. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.)

18 **КНИГЪ** **ИСТОРИЧЕСК. РОМАНОВЪ** и **ПОВѢСТЕЙ** **Н. СЕВЕРИНА** высокоталантлив. автора историческихъ произведени изъ жизни Россіи и Польши.

24 **КНИГИ** **„СВОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** (до 500 разск., интерес. стат.)
Подписная цѣна „РОДИНЫ“ съ прилож. и **80** **КНИГАМИ**

За годъ безъ до-
ставки въ **7** р.
Безъ до-
ставки въ **7** р. 50 к.
Съ пере-
сылк. по **8** р.
первыи взносу **РАЗСРОЧКА 3** р.

ПОДПИСКА въ Анц. 0-въ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. НАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, д. 114, и Садовая, 20.

Отдѣленіе къ МОСКВѢ, въ восторѣ В. И. Ленинской. №114 Ф. С. 113

За ПОПЛАТЪ ДВАХЪ рублѣй подписчикъ можетъ получить, какъ **20** **КНИГЪ** со-
бачн. **А. Д. АПРАКСИНА** (около 2500 страницъ)
и **36** **РОМАНОВЪ** въ повѣст. и рѣскахъ, преимущественно изъ „Родины“
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „РОДИНЫ“ со всеми приложеніями и 100 **КНИГАМИ**
безъ до-
ставки въ **9** р.
Съ пер-
сылк. по **9** р. 50 к.
Съ пер-
сылк. по **10** р.
первыи взносу **РАЗСРОЧКА 4** р.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 9

25 февраля 1915 г.

ОБО ВСЕМЪ.

Равноцѣнности.

Очень опасенъ уклонъ статьи г. Тивякова (см. „Г. Ж.“ № 8.) Опасенъ и невѣренъ, хотя исходить авторъ изъ вѣрныхъ положеній,—о двойственности культуры. Я касался этого вопроса неоднократно („Голосъ Ж.“, „День“). Да, понятие культуры—двусторонне. Да, лишь известная сгармонизированность между культурой внутренней и вѣшной можетъ назваться настоящей Культурой. Не совершенная гармонія (ибо мѣръ только идетъ къ совершенству), но хотя бы связь, послѣдовательное сцѣпление. Въдъ когда человекъ идетъ, онъ въ сущности падаетъ,—то на лѣвую, то на правую ногу. Но мы называемъ это не паденіемъ, а движеніемъ. Движеніе—вѣчно нарушаемое и вѣчно восстанавливаемое равновѣсіе. Есть однако предѣлы, за которыми нарушенное равновѣсіе не восстанавливается, движеніе оканчивается паденіемъ.

Все равно, въ какую сторону упасть. Одинаково страшно. Переразвитіе вѣшной культуры ведетъ къ механикѣ, къ автоматизму—къ паденію; переразвитіе стороны внутренней—къ раздвоенію, къ вымиранию, къ одичанію—т. е. опять къ паденію. У насъ и у нѣмцевъ—двѣ разныя, но равныя опасности. Перепроизводство вѣшной культуры у нѣмцевъ, въ ущербъ внутренней (всякое ненормальное развитие одной стороны идетъ въ ущербъ другой, соответственно умаляетъ ее), грозитъ намъ механикой, разложеніемъ личности; наше переразвитіе духовное, не гармонирующее съ уровнемъ нашего вѣшняго развитія, носитъ въ себѣ ту же, обратную, но равно-страшную угрозу. А г. Тивяковъ предлагаетъ намъ слѣдовать дальше какъ разъ по этому, самому для насъ опасному, склоню. И безъ того у насъ есть Толстой; мы обязаны заслужить, оправдать этотъ великій Божій даръ. Мало ли еще кто и что есть! Громадное крыло у насъ выросло, но на одномъ крылѣ не полетимъ. Такъ же, огять совершенно такъ же, какъ не полетитъ Германия на слоюемъ одномъ крылѣ. И ей нужно заслужить, оправдать... не Крушна,—Крунуть ничѣмъ не можетъ быть оправдать,—но высокое развитіе своей техники, науки,—всей своей плоти.

Къ вырожденію ли духа ведетъ путь, или къ вырожденію плоти—на концѣ обѣихъ одинаковая гибель. Допустимъ, что въ Германіи разлагается личность; а мы, будемъ ли правѣе и счастливѣе, если у насъ начнетъ разлагаться—общество?

„Христосъ и Эдиссонъ идутъ въ разныя стороны“, утверждаетъ г. Тивяковъ. Сопоставленіе не изъ удачныхъ, но все равно, мы беремъ не личности, а принципы. И тутъ я долженъ въ сотый, въ тысячный разъ сказать: нѣтъ, они именно

идутъ въ одну сторону, вмѣстѣ, неразрывно слитые въ одномъ движеніи.

Мало того: въ Христѣ уже есть Эдиссонъ, и отреченіе отъ Эдиссона равносильно отреченію отъ Христа.

Если мнѣ скажутъ, что *Будда* и Эдиссонъ идутъ въ разныя стороны—о, подъ этимъ я подпишусь обѣими руками. Но и пусть себѣ они идутъ въ разныя стороны. Я не участи Индіи хочу моей Россіи. И не боюсь, и вѣрю: если она сейчасъ пойдетъ за Эдиссономъ, какъ это ей нужно въ данный моментъ исторіи, Христосъ не покинетъ ея и она не покинетъ Христа.

А. Кр.

Золото въ Россіи.

Вопросъ объ увеличеніи добычи золота подвергся всестороннему обсужденію на происходившемъ теперь въ Петроградѣ съѣздѣ золотопромышленниковъ.

Въ отношеніи мировой добычи золота Россія занимаетъ далеко не первое мѣсто. Въ то время какъ въ Африкѣ въ 1914 г. было добыто золота свыше чѣмъ на 40 милл. ф. ст., въ Австраліи—свыше 10 милл., въ Соед. Штатахъ—приблизительно на 19 милл., въ Россіи она достигла очень скромной цифры въ 5,35 милл. ф. ст.

Конечно добыча золота зависитъ прежде всего отъ естественныхъ условій, но естественными условіями какъ разъ и нельзя объяснить отсталость Россіи въ этомъ отношеніи. Въ Восточной Сибири, въ которой теперь главнымъ образомъ и сосредоточивается наша золотопромышленность, запасы золота настолько велики, что при надлежащемъ оборудованіи дѣла можно было

Аббатъ Пинь. (Остендъ, 1913.) См. статью Н. Бородина.

бы ежегодно добывать золота на 400 милл. рублей, т. е. въ 2½ раза больше, чѣмъ добывается его въ Соед. Штатахъ или въ Австрали, между тѣмъ въ настоящее время добыча равняется только 60 милл. („Уральское Торгов. Обзор.“ 1902 г., № 5).

Причины нашей отсталости кроются такимъ образомъ въ насъ самихъ. Во-первыхъ, до сихъ поръ далеко не закончено еще геологическое обследованіе Восточной Сибири, которое могло бы дать надежныя указанія, гдѣ же именно искать золото. Такъ напримѣръ до сихъ поръ еще не произведено геологическаго изслѣдованія огромной полосы длиною въ 1000 верстъ и шириной въ нѣсколько сотъ верстъ, которая тянется отъ Тихаго океана къ Забайкалью.

Другой причиной, еще болѣе значительной, можно сказать—причиной всѣхъ причинъ, является бездорожье Сибири. Нѣтъ не только желѣзныхъ дорогъ, но и шоссеиныхъ. Предпринимателямъ приходится подвозить необходимые машины, припасы и т. п. по узкимъ тропинкамъ или же самими заботиться о прокладкѣ дорогъ. Все это конечно въ огромнѣйшей степени удорожаетъ производство. Продуктами приходится запасаться почти на полтора года. Чтобы доставить 1 пудъ груза изъ Благовѣщенска, нужно затрачивать 2 р. 50 к.—2 р. 75 к. Насколько дорого обходится транспортъ машинъ, показываетъ напримѣръ слѣдующій характерный случай. Въ 1905 г. предприниматель Мординъ хотѣлъ завести драгу, но ему пришлось отказаться отъ этой идеи просто потому, что доставка ея должна была обойтись не менѣе 120.000 рублей.

Понятно, что при такихъ условіяхъ наши золотые прииски въ техническомъ отношеніи стоятъ невысоко. И въ самомъ дѣлѣ можно ли думать о примѣненіи совершенствованныхъ машинъ при такой дороговизнѣ доставки ихъ на мѣсто производства? Чтобы пустить въ ходъ американскую машину, нужно предварительно затратить большія суммы на ея перевозку, на уплату пошлинъ, нужно выписать и монтеровъ, умѣющихъ съ ней обращаться. А между тѣмъ примѣненіе этихъ машинъ дало бы огромную экономію въ живомъ трудѣ, значитъ, увеличило бы и производительность приисковъ. По вычислениямъ инженера Рогозина, работа, которая теперь требуетъ участія 160 чел. и 30 лошадей, потребовала бы только 22-хъ чел. и 3-хъ лошадей.

При такихъ условіяхъ предпринимателямъ становится болѣе выгоднымъ превращаться въ простыхъ скупщиковъ золота у такъ называемыхъ „золотничиковъ“, которые добываютъ его самими хищническими и первобытными способами, а потомъ золотниками продаютъ его въ крупныя конторы. Становится болѣе выгоднымъ наживаться на товарахъ, продаваемыхъ этими самымъ золотничикамъ, такъ какъ всѣ запасы необ-

ходимыхъ для жизни предметовъ сосредоточиваются опять-таки въ тѣхъ же конторахъ.

Какъ выдти изъ этого печальнаго положенія? Какъ повысить производительность приисковъ, улучшить ихъ техническое оборудованіе, какъ обезпечить необходимые теперь России запасы золота? Много хорошихъ совѣтовъ можно было услышать по этому поводу на съѣздѣ золотопромышленниковъ. Конечно нужно возможно скорѣе соорудить въ далекой Сибири густую сеть желѣзныхъ и иныхъ дорогъ, конечно нужно развить нашу желѣзодѣлательную промышленность, для того чтобы она могла по дешевой цѣнѣ поставлять необходимые приискамъ машины, конечно нужно позаботиться и о техническомъ образованіи.

Всѣ эти мѣропріятія вполне цѣлесообразны. Къ сожалѣнію для того, чтобы ихъ провести въ жизнь, потребуется очень много времени.

И. В.

Ненужная лекція на важную тему.

19-го февраля П. Д. Успенскій прочелъ публичную лекцію о своей поѣздкѣ въ Индію („Въ поискахъ чудеснаго“). Готовясь къ своей лекціи, г. Успенскій могъ рассчитывать на слушателей трехъ различныхъ разрядовъ: 1) на людей религиозныхъ и знакомыхъ съ индусской мудростью и съ теософіей; 2) на людей, интересующихся теософіей и югизмомъ, какъ „модными вещами“, и 3) на простодушныхъ людей, жадныхъ до басенъ о факирахъ и заклинателяхъ змѣй. Для слушателей перваго разряда г. Успенскій свою лекцію врядъ ли предназначалъ. Иначе онъ не сталъ бы говорить о чудесномъ въ столь легкомысленномъ тонѣ. Да и просто онъ не могъ не знать, что для серьезныхъ и вѣрующихъ людей совсѣмъ не нужно ѣздить въ Индію, чтобы „провѣрить“ рассказы Блаватской о махатмахъ и племени тоддовъ.

Для такихъ людей лекція г. Успенскаго была не нужна.

Для тѣхъ, кто интересуется теософіей „изъ-за моды“, въ лекціи Успенскаго также не заключалось ничего нужнаго и даже интереснаго; изъ „полемики“ же г. Успенскаго съ Анни Безантъ слушатели могли сдѣлать лишь тотъ выводъ, что г. Успенскому „не повезло“ у теософовъ, живущихъ въ Индіи, и они ничего ему „не сообщили“.

Что касается слушателей „обыкновенныхъ“, то и имъ г. Успенскій врядъ ли сообщилъ что либо интересное и полезное. Книжка г. А. Жирмувскаго „Вокругъ Азии“, вышедшая въ свѣтъ въ прошломъ году, много интереснѣе рассказиковъ г. Успенскаго о „нѣмцахъ-буддистахъ“ и объ убитой кобрѣ.

Т.

Аббат Пинъ и питомцы его школы рыболовства на борту учебного судна. Остендэ, 1902 г.

Н. БОРОДИНЪ.

ОСТЕНДЭ И МОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ БЕЛЬГИИ.

Остендэ въ рукахъ немцевъ. Его и сосѣднiе съ нимъ городки бомбардируютъ съ моря. Вокругъ этихъ мѣстъ идетъ длительная борьба, и можно себя представить, что случилось съ этими приморскими городками и мѣстечками.

Я посетилъ первый разъ Остендэ въ 1891 году—тогда онъ еще не былъ такимъ моднымъ и благоустроеннымъ морскимъ курортомъ, какъ въ послѣднее время. Вторично я былъ тамъ нѣмь лѣтомъ 1913 г., въ разгаръ купальнаго сезона, и нѣдѣли, проведенныя тамъ, навсегда останутся у меня въ памяти.

Дивная погода, нарядная, веселая интернациональная толпа, сотни дѣтей, играющихъ мирно на пескѣ, музыка на открытомъ воздухѣ, — все это всплываетъ въ памяти, какъ чарующий сонъ.

И подумать только, что теперь тамъ царятъ смерть и ужасъ.

Особо болѣзненно скимается сердце, когда я думаю о судьбѣ давнишняго (съ 1891 г.) моего прiятеля, жителя Остендэ, аббата Пина, и его питомцевъ.

Это—крупная и типичная личность, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Его знаютъ все моряки и рыбаки бельгийско-фламандскаго побережья: онъ вмѣстѣ съ нами много годы дѣлилъ горе и трудности рыбной ловли и мореплаванiя въ бурномъ Сѣверномъ морѣ и Ламаншѣ. Не одного рыбака онъ напутствовалъ при смерти и хоронилъ въ зеленыхъ волнахъ бушующаго моря.

И онъ полюбилъ отъ всей души этихъ отважныхъ людей, ихъ открытую душу, и рѣшилъ посвятить всю жизнь служенiю для улучшения условiй ихъ жизни, для внесенiя въ нее больше свѣта и сознанiя.

Къ исполненiю этой трудной задачи онъ подошелъ не съ шаблонной благотворительностью, а организовалъ очень оригинальную и единственную въ своемъ родѣ школу рыболовства, въ которой подростки-дѣти рыбаковъ могли бы знакомиться съ основами правльнаго и сознательнаго веденiя своего природнаго ремесла на возможно лучшихъ условiяхъ и гдѣ они могли бы приобрести необходимыя знанiя для

Лабораторія при школѣ рыболовства въ Остендѣ.

Я. ОКУНЕВЪ. НА ВОЙНѢ.

(Боевыя впечатлѣнія.)

Бой, заставившій насъ растянуть фронтъ на тридцать миль, шелъ вторую недѣлю. Наши окопы перемежались первалами — лѣсами, болотами и извилами рѣчки Д. Въ некоторыхъ мѣстахъ нашего расположенія бой не начинался, въ другихъ онъ выражался въ артиллерійскомъ обстрѣлѣ дружественныхъ позицій, мѣстами мы вдалились клиномъ въ тылъ неприятельскихъ войскъ, захвативъ ихъ окопы. Сраженіе, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ участвовало болѣе шестидесяти тысячъ людей, развивалось и складывалось изъ отдельныхъ, частныхъ эпизодовъ, казавшихся на первый взглядъ совершенно незначительными.

И такъ всегда. Такіе историческіе моменты, какъ Рава, Ява и Ярославъ, на взглядъ участника, которому доступно лишь то, что онъ видитъ вокругъ себя, были совсѣмъ не такъ грандіозны, какъ казались со стороны. Отдѣльныя выстрѣлки, перестрѣлка, атаки, передвиженія, изъ которыхъ, въ горахъ изъ мелкихъ песчинокъ, строится боевое событіе огромной важности, кажутся участнику сѣрымъ, будничнымъ шумомъ, трудомъ упорнымъ и кровавымъ, но лишеннымъ грандіозности и захватывающаго интереса.

И оттого, что это для насъ такъ просто и обыкновенно, въ непосредственной близости блекнутъ яркія краски, въ страшныя мгновенія боя, когда опьяненные и подхваченные порывомъ или отчаяніемъ люди бросаются „въ лобъ“ гранатами и пушкамъ въ атаку, не чувствуя ранъ, не заботясь о крови и горь человѣческаго мяса, по которымъ они идутъ, не внушаютъ ни ужаса, ни даже страха. Все пропадаетъ, все перегораешь въ душѣ. Даже подъемъ, который кажется въ короткой схваткѣ, въ многодневномъ бою смѣняется чѣмъ-то другимъ, болѣе ровнымъ и болѣе устойчивымъ ощущеніемъ силы, чувствомъ спокойной увѣренности побѣды. Людей крѣпнѣетъ и сплываетъ воедино общность интересовъ, самосохраненіе, являющееся мотивомъ храбрости. Ты идешь впередъ, потому что смерть именно назадъ, гдѣ падаетъ градъ снарядовъ. Я буду идти вмѣстѣ съ Пахомовымъ, Сидоровымъ, Петровымъ — вмѣстѣ со всѣми: одинъ — ничто, а вмѣстѣ съ ними — сила. И эта общность вы-

нужденная положеніемъ, эта храбрость, вызванная жаждой жизни, дѣлаетъ насъ стойкими и равнодушными къ смерти и къ ужасамъ боя. Дни, недѣли, мѣсяцы мы идемъ плечо къ плечу съ тульскими и владимірскими мужиками, мы переносимъ вмѣстѣ съ ними всѣ боевыя невзгоды, общность интересовъ превращается въ привычку. Намъ, интеллигентамъ, которыхъ въ ротѣ всего нѣсколько человекъ, прививаются ихъ взгляды, ихъ чувства, мысли, даже привычки, повадки, даже ихъ тульскій и владимірскій говоръ.

Теперь нельзя уже отличить добровольца, и инженера Красницкаго, отъ рядового землероба Пахомова. Для насъ обоихъ, для всѣхъ вмѣстѣ бой — „работа“, а смерть естественное явленіе. И мечты у всѣхъ одинаковы: мечтаютъ о горячей кашѣ съ саломъ, о свѣжей смѣнѣ бѣлыхъ обмотокъ, больше ни о чемъ. Намъ нѣтъ сейчасъ никакого дѣла до того, для чего мы сражаемся, во имя чего идемъ на смерть. Красницкій и Пахомовъ разъ навсегда рѣшили всѣ вопросы: послѣ войны будетъ какое-то „полосеніе“, и въ этомъ оправданіе войны.

День и ночь, безъ умолка и перерыва, гремитъ канонада. Отъ нея непрерывнаго грома болятъ уши, свинцовыя капли падаютъ на голову. Когда, случится, стрѣльба изъ орудій крупнаго калибра смѣняется пулеметнымъ обстрѣломъ, чудится еще тяжелое громыханіе „марутокъ“, чудится даже воя, когда насъ, уставшихъ, смѣняетъ резервъ. Отъ соприкосновенія, отъ разрыва снарядовъ осыпается земля съ потолка, земляники, ходенемъ ходитъ деревянный настѣлъ дождя под ногами, словно рядомъ работаетъ гигантская машина, вертятся огромные маховики и жужжать и гремятъ надъ самымъ ухомъ тысячи поставовъ и жернововъ.

— Р-р-р-р!

— Съ чего это, братцы, тихо свѣдѣлось? — спросилъ однажды вечеромъ съ растеряннымъ видомъ солдатикъ Липкинъ.

Онъ привсталъ даже, прислушиваясь, а очутилась канонада.

А канонада въ этотъ моментъ дошла до высшей точки напряженія. Тысячи пудовъ свинца, желѣза и стали мадаца-

подлѣ траншеи, а Ликинъ ничего не слышалъ, хотя землянка находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окоповъ.

— Что ты, обалдѣлъ? Ай не слышишь, какъ ѣшь чистить?

— Ась?—спросилъ Ликинъ, напрягая слухъ, чтобы слышать товарища.

— Палать, порато палать.

— Что сказалъ? Говори громче.

Ликинъ такъ и не разлышалъ ни пальбы, ни того, что говорили ему обступившіе его товарищи. Онъ не оглохъ, а именно „обалдѣлъ“. Утромъ глухота прошла, и Ликинъ, качая головою, вспоминалъ про то, что было съ нимъ накануне:

— Тихо сдѣлалось, ровно на погостѣ. Вижу, земля осыпается, и мекаю, что палать шибко. А не слышать ничего. Вотъ оно. какое дѣло вышло.

„Обалдѣлость“ временная утрата слуха и странное отупѣніе находятъ на всѣхъ, кому приходится по нѣскольку дней быть въ полосѣ жестокаго артиллерійскаго обстрѣла. Слухъ и умъ не выдерживаютъ, но человѣкъ въ солдатскомъ мундирѣ стойчески выноситъ все. Отъ „обалдѣнія“, оттого, что мы утратили впечатлительность и воспримчивость и привыкли ко всему, намъ ничего не страшно. Въ то время, когда наверху происходитъ бой, здѣсь, въ землянкахъ, каждый занимается своимъ дѣломъ. Завтра, быть можетъ, будетъ атака, Петряевъ или Пахомовъ, Хорьковъ или Лисицынъ, ктонибудь изъ насъ, будетъ „выведенъ изъ строя“, но сегодня при свѣтѣ огарка доброволецъ Лисицынъ играетъ съ вольноопредѣляющимся Перовымъ въ шашки, Пахомовъ скинулъ сорочку, вывернулъ ее наизнанку и съ азартомъ преслѣдуетъ „внутренняго врага“, Петряевъ старается починить допущившіи гдѣ-то „у косточки“ сапогъ, а хохоль Зеленко со скуки тянетъ какую-то пѣсню безъ словъ, со странной, лающей мелодіей:

— Га-га-га! Га-га-га-га!

Пѣсня у него не налаживается, выходитъ не то и не такъ, какъ онъ хочетъ, и Зеленко бранится:

— О, чтобъ тоби повилазло!

И снова начинается:

— Га-га-га!

Въ темномъ углу землянки солдатъ Бабенко, сидя на корточкахъ и обнявъ колѣна руками, рассказываетъ „казку“. Его слушаютъ съ видимымъ интересомъ, а рѣчь его, спорая такая, плавная, катится, какъ бисеръ по блюдечку:

— И говоритъ Марья-царевна иноземному царевичу: „Ахъ ты, рыло татарское, дерево сгоеросовое! Не пойду и за тебя замужъ“...

— Ловко!

— Вотъ такъ баба, мать честная!

— Не мѣшай! Ври дальше, Бабенко.

Огарокъ гаснетъ. Люди укладываются спать. Наверху гудитъ, воеетъ, свиститъ огонь. Кто-то протяжно стонетъ подлѣ самой землянки:

— Ай, ма-а-туш-ка!

— Ну, чего, чего,—бубнигъ низкій голосъ. — Чай, не баба, не рога чья. Потерпи маленько, дай перевязать.

— Печетъ шибко. М-ма-а...

— Косаренкова кокнуло,—говоритъ кто-то въ темнотѣ, поворачиваясь на другой бокъ и скребя ногтями тѣло.

— А ты помалкивай, спи!

Сонъ не идетъ. Усталое тѣло оцѣпенѣло, глаза смыкаются, и въ головѣ нѣтъ думъ: онѣмѣние какое-то, не то дремота, не то чуткіи, болѣзненный сонъ, когда слышишь

Шьютъ сапога.

все, все соображаешь, но нѣтъ силъ сдвинуться съ мѣста. И такъ до утра.

На зарѣ бьютъ барабаны. Часто и четко. Гдѣ-то далеко тревожно звучатъ трубы горнистовъ:

— Тра-та-та! Тра-та-та!

— Вудеть общее наступленіе,—говоритъ Лисицынъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы снова засядемъ въ окопы или пойдемъ въ бой.

Лисицынъ быстро набрасываетъ карандашомъ что-то на „секреткѣ“, передаетъ мнѣ.

— Если меня убьютъ, пошлите.

Это письмо невѣстѣ. Онъ урываетъ каждый день время, чтобы написать ей нѣсколько словъ. И, когда пишетъ, лицо у него свѣтлое, улыбающееся, и видно по немъ, что въ его письмѣ бодрья, веселья, хорошія слова.

— Пятая рота выходитъ-и!—доносится команда.

Это мы—пятая рота. Мы выползаемъ изъ землянки на свѣжій воздухъ. Низко нависло небо. Мелкій дождикъ нудно мороситъ и желтовато-сѣрымъ туманомъ заволокло окопы и лѣсъ, обстрѣливаемый нашей артиллеріей. За ночь окопы измѣнили свои очертанія. Крупные снаряды снесли насыпь, исковеркали блиндажное прикрытіе, но солдаты прокопали траншею впередъ, сдѣлали новую насыпь, и окопы оказались ближе къ неприятелю, чѣмъ накануне, сажень на десять.

— Сапой шлв,—тихо замѣчаетъ Пахомовъ.

— Сапой оно куды способнѣе, чѣмъ атакой,—говоритъ маленькій ефрейторъ Березинъ.

— Пятая рота часто начина-ай!

Пальцы цѣпко хватаютъ затворъ винтовки, движенья быстры, бодры и ритмичны: разъ-два, разъ-два. Тамъ, куд

Обучают обращаться съ коммсомъ и лагомъ.

полетаютъ и падаютъ раскаленные комки свинца изъ нашихъ винтовокъ, горить дѣсь. Изъ-за огненной завѣсы слышны крики, стоны и вой, страшный звѣриный вой. Разъ-два, разъ-два. Бѣлые дымки, всплывающіе надъ нашимъ окопомъ, несутъ съ собою смерть и раны. Словно частый и крупный градъ, бьютъ по блиндажу пулеметныя пульки, отскакиваютъ, осыпаютъ траншею и, потерявъ свою ударную силу, падаютъ, какъ мелкіе камешки, внизъ.

Звеня и шипя летитъ шрапнель. Тяжело ухаю и гудя, какъ трамвай, несется шестнадцатидюймовый снарядъ, остановился на мгновенье, словно задумавшись, и, разбрызгивая во все стороны искры, ринулся внизъ. Быстро-быстро завертѣлся, разбрасывая комья земли и осколки камня, поднявъ столбъ пламени и дыма и грохнувшись:

— Во-омъ!

Какъ большой колоколь, какъ набатный ударъ, странно одинокій и короткій. А потомъ широкій вѣеръ густо-краснаго огня взметнулся къ небу, вонзившись острымъ основаниемъ въ широкую, вырытую снарядомъ, воронку. Гулъ какой-то, слышны крики.

— Въ атаку!

Словно вздохъ вырвался изъ груди: слава Богу. Пахововъ крестится широкимъ крестомъ. Атака — это хорошо, это — конецъ лежанію въ окопахъ подъ огнемъ. Огромный и неуловимый, онъ выпрямляется во весь свой ростъ, потомъ выбрасываетъ туловище впередъ и, нагнувъ голову, претъ напроломъ, какъ быкъ, готовый взять на рога противника. Смотритъ исподлобья, пошевеливаетъ усами и рывкаетъ по-звѣриному:

— У-у! У-у!

Ликинъ, бойкинъ и верглевый, нелѣпо размахиваетъ руками и верещитъ тонкимъ голоскомъ. Лисицынъ строго намурилъ брови, закрылъ глаза и, не пригибаясь къ землѣ, идетъ, въ огонь. И все кричатъ, что придетъ въ голову,

и все бѣгутъ, все ускоряя и ускоряя темпъ движенія, чтобы, столкнувшись съ врагомъ, ударить въ его ряды съ неудержимой силой и разорвать живую матеріальную связь въ его рядахъ. Не команда, не выучка, а непонятный, не поддающийся учету сознания и могучи инстинкты подсказываетъ, что надо дѣлать такъ, а не иначе, бросаетъ меня и все въ ту, а не въ другую сторону. Умъ оцѣпенѣлъ и не думаетъ, ухо не слышитъ команды, но ноги, тѣло, руки дѣлаютъ то, что надо, и такъ, какъ надо.

Впереди насъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, упалъ тяжелый снарядъ. Инерція бѣга направляетъ меня туда, гдѣ онъ гудитъ, вертается, какъ волчокъ, и если бы я захотѣлъ броситься въ сторону, то не смогъ бы удержать разбѣга. И вдругъ кто-то болѣе сильный и болѣе разумный, чѣмъ я, изъ все въ толкаетъ меня въ спину, — я падаю. И въ то время, когда я лежу ничкомъ, закрывъ глаза, въ моемъ умѣ возникаетъ странная мысль, даже не мысль, а слова, нелѣпный сбрывокъ фразы:

„Три съ полтиной“.

И звенять въ ушахъ безмысленныя слова:

„Три съ полтиной, три съ полтиной“.

Звенять ли падающіе осколки разорвавшегося снаряда и слагаются въ напряженномъ до оцѣпенѣнія умѣ въ слова, или ктонибудь рядомъ кричитъ о трехъ съ полтиной?

— Рота перебѣгай! — смутно донесется издали.

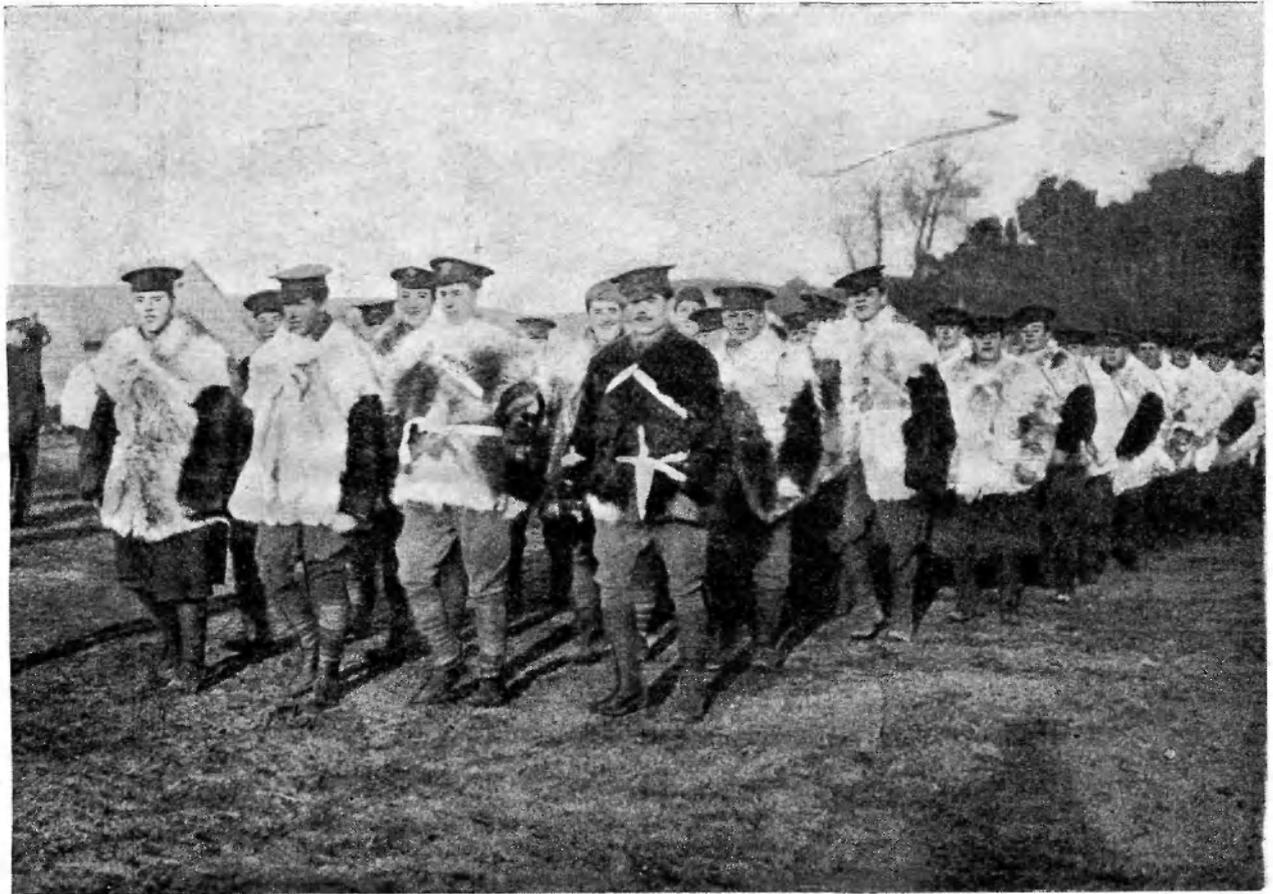
И опять, еще настойчивѣе, чѣмъ прежде:

„Три съ полтиной“.

Вскочилъ на ноги. Ничего не видно въ густомъ дымѣ. Рванулся впередъ, именно — рванулся, потому что ноги точно приросли къ землѣ.

— Ахъ, шельмы! Ахъ, сукины дѣти! — слышенъ впереди голосъ Пахомова.

Дымъ разсѣлся. Изъ-за разрыва тучъ выглядываетъ на нѣсколько мгновений солнце и освѣщаетъ разрытое снаря-

Английские солдаты в зимней одежде.

дамя поле, играет въ багровыхъ лужахъ и сверкаетъ на щетинѣ штыковъ австрійской пѣхоты, бросившейся въ контръ-атаку.

Нахомувъ винтовку бросилъ. Широко разставивъ ноги, нагнувъ голову и растопыривъ хитро шевелящіеся пальцы, онъ тяжелой, медленной походкой идетъ навстрѣчу штыкамъ и бранится, и урчитъ, какъ медвѣдь:

— Угу, угу! Сукины сыны! Угу!

Ближе. Сшиблись. Ничего не видишь, не чувствуешь, кромѣ ощущенія преодоленія живой преграды. И страха нѣтъ: въ голову не приходитъ, что и въ меня можетъ во-

звѣться штыкъ, что и меня могутъ убить, оглушить ударомъ приклада, какъ это дѣлаю я.

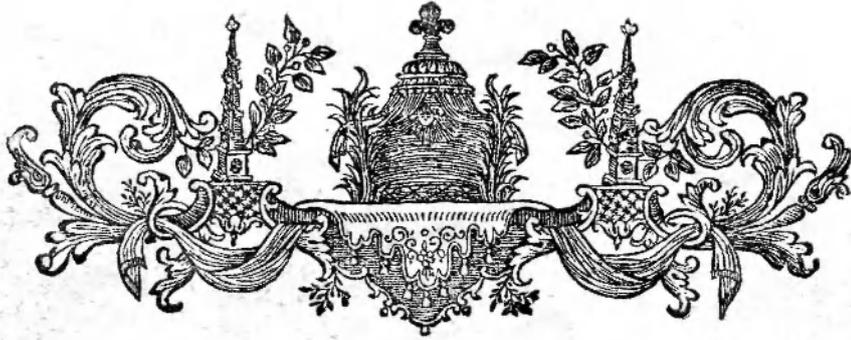
Преграда прорвана. Австрійцы, продолжая отражать наши удары, уходятъ. Синіе и сѣрые бугорки покрыли все поле. Одни шевелятся, другіе недвижны.

Первый рядъ непріятельскихъ окоповъ занятъ нами. Молоденькій австрійскій офицеръ забился въ уголь траншеи и, протянувъ впередъ руки и глядя большими, полными ужаса, глазами куда-то поверхъ насъ.

— Пойдемъ, другъ, водички выпьемъ. Экъ испугался человекъ!

Як. Окуневъ.

ЗОЛУШКА.

Золушка въ кинемо

Для всѣхъ, чья жизнь—скупая,
Открыть электрическій рай.
Цѣлуетъ пажъ умирая
Длиннаго шлейфа край.
Всѣ такъ безумно любимы,
Станнымъ солнцемъ освѣщены,
И даже мгновенныя зимы
Ярки отъ зеленой луны.
Я тоже на огненной лентѣ,
Зыбкою стала земля...
О, Принцъ, Вы мнѣ надѣнете
Туфельку изъ хрустала?

Вечерніе стихи.

Я пѣсенки утромъ пою для дѣтей,
А подь вечеръ пою для себя.
Я днемъ веселѣе, а подь вечеръ нѣжнѣй,
Я думаю въ сумерки о сказкѣ моей,
И дѣтскій смѣхъ тише...
Или я неясно слышу?
Ахъ, пѣть бы подь солнцемъ о малыхъ зайчатахъ,
Ахъ, пѣть на свѣту, и чтобъ полдень былъ вѣчно!
Веселой, смѣшливою быть и безпечной,
Не помнить, не помнить о мгlistыхъ закатахъ,

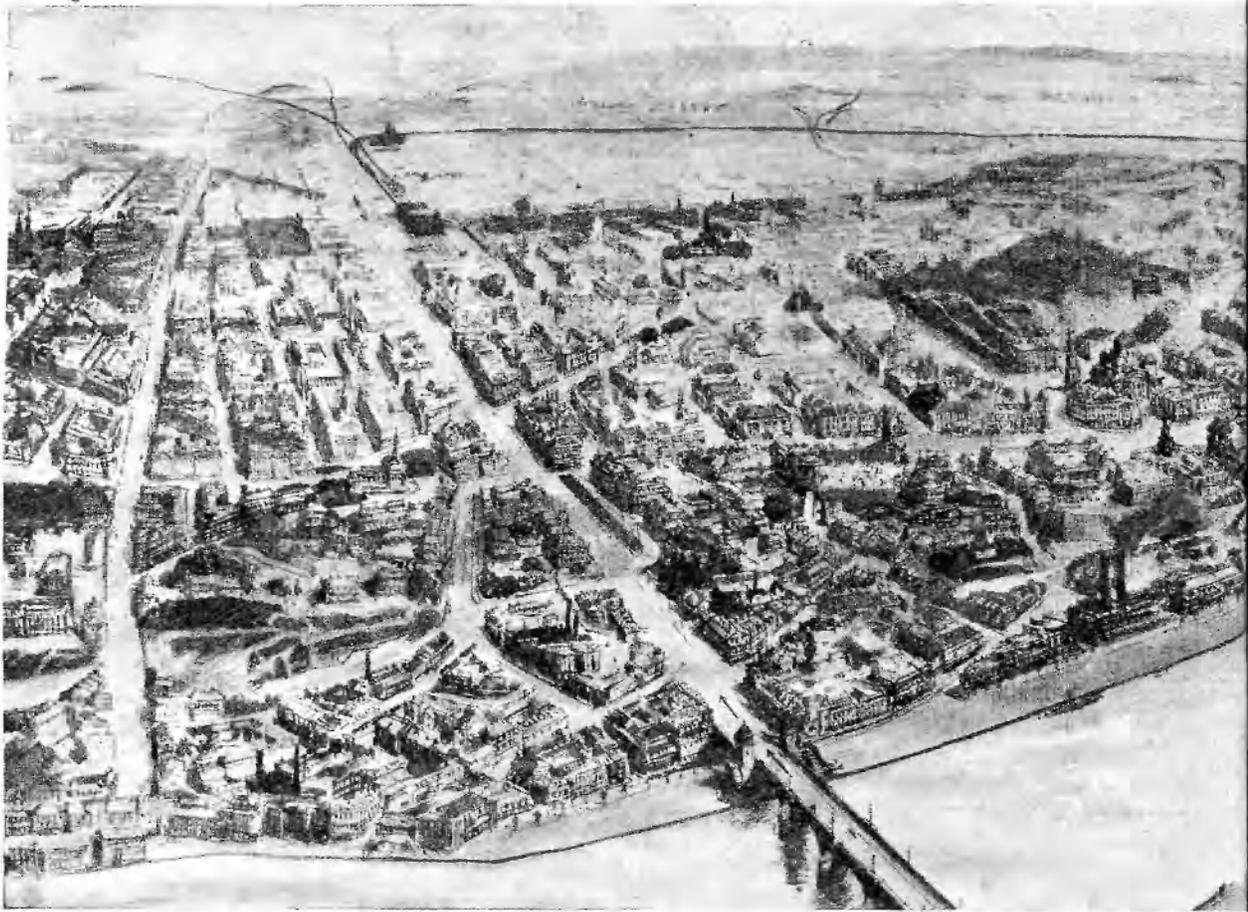
Не думать бы въ паркѣ вечеромъ роснымъ
О томъ, что я, Золушка,—грустная, взрослая.
Умирай, Золушка, умирай, милая,
Тутъ тебѣ не мѣсто на улицахъ города,
Тутъ надо быть смѣлой, дерзкой и гордой,
Тутъ нужна сила, пойми,—сила!
Умирай, Золушка, нѣтъ воскресенья,
Романтичной тѣнью незачѣмъ бродить.
Наберусь мужества, наберусь терпѣнья,—
Можетъ, удастся ее пережить?

Принцъ.

Защищай меня! Ну, защищай!
Я не вѣрю, что Принца нѣтъ!
Вонъ въ тѣхъ окнахъ дворцовыхъ, я знаю,
Блеснетъ свѣтъ...
Свѣтъ горитъ въ твоемъ кабинетѣ,
Ты проснулся, ты выйдешь, вотъ, вотъ...
Нѣтъ, неправда. Умру! на разсвѣтѣ,
Умру у чужихъ воротъ.

М. Моравская

Н. С.

„СТУДЕНЧЕСКИЙ“ ЖУРНАЛЪ.

„Сѣверный Гусларь“, органъ надпартийнаго студенчества, имѣеть цѣлью объединить ищущихъ—выявить настоящее учащейся молодежи,—отыскать новые пути къ лучшему будущему за гранью перелома—такова нѣсколько туманная программа выходящаго съ октября прошлаго года еженедѣльнаго журнала. Насколько же удовлетворяетъ новое изданіе поставленнымъ выше задачамъ? Въ статьѣ „Куда мы идемъ?“ („С. Г.“, № 5), отвѣчая Антону Крайнему на его замѣтку въ „Днѣ“, руководители журнала стараются выяснитъ свое сгедо. „Объединение невозможно на почвѣ безпартийности, но на почвѣ нашей надпартийности оно возможно“,—говорится въ этой статьѣ. Не объяснивъ толкомъ, что же такое эта претенциозно-вычурная „надпартийность“ и чѣмъ она существенно разнится отъ безпартийности, авторъ съ пафосомъ продолжаетъ: „Насъ ждетъ электробашня. Заря свѣтлаго будущаго“. И башня эта—не стоячая, а ходячая кака-то, движущаяся. „Подъ нашей платформой—„колеса“, и есть электромоторъ. Мы идемъ не только впередъ, но и вверхъ“. Журналу понадобятся современемъ „не только лодки, но,

можетъ быть, и „винтъ“, и „пропеллеръ“, и еще какой-нибудь новый невѣдомый аппаратъ“. Однако эти „туры на колесахъ“, хотя бы и футуристско-электрические, хотя бы и вращенные въ аэропланъ, также не даютъ намъ ничего для пониманія основныхъ идей изданія. „Страстное скаканье“, „пные горизонты“, „пламенные порывы“—все это все слишкомъ неопредѣленные и устарѣвшія, чтобы можно было удовлетвориться ими безъ болѣе точныхъ объясненій. Авторъ статьи очевидно знаетъ, „куда онъ идетъ“, но не даетъ этого знанія читателю, и мы должны вѣрить на слово, что „Сѣверный Гусларь“ благополучно провезетъ насъ на своей катящейся электробашнѣ въ ту „дверь“, за которой осуществится „всеобщій союзъ ищущихъ, жаждущихъ новаго міра новыхъ утѣхъ“, на почвѣ все той же загадочной „надпартийности“. Болѣе реальныхъ обѣщаній мы не получимъ отъ „Сѣвернаго Гуслара“. Но, быть можетъ, неспрашивая на столбчатые задания свои, руководители журнала найдутъ нужные пути... опредѣлятся съ течениемъ времени въ своемъ міровоззрѣніи? Къ сожалѣнію и на это надежда плоха. „Куда-

там.

смутныя стремленья“ выражаются въ послѣдующихъ номерахъ „Сѣвернаго Гуслера“ лишь въ напечатаніи нелѣпнѣйшихъ разсказовъ о молодомъ поручикѣ, который, сидя ночью въ окопѣ на барабанѣ, расѣввалъ, вопреки всякимъ военнымъ соображеніямъ, во всеуслышанье арію Ленскаго, или о томъ, какъ у кого-то въ душѣ „что-то отпадало и вмѣсто его (?) нарастало новое“.

Со 2-го номера (нынѣшняго года) въ направленіи журнала происходитъ неожиданный переломъ. Изъ органа „надпартийнаго студенчества“ „Сѣверный Гуслеръ“ превращается въ „еженедѣльникъ молодой надпартийной интеллигенціи“. Къ этому переименованію редакция была принуждена вслѣдствіе „заслуженнаго протеста“ со стороны учащейся молодежи, на выраженіе идей и настроеній которой претендовала „Сѣверный Гуслеръ“. Порвавъ со студенчествомъ, редакция заявляетъ, что и самое понятіе „учащаяся молодежь“ отдаетъ „стадность“, или, что—то же, партийностью, и отказывается дальѣ вообще отъ какой бы то ни было программы, ибо „программа“ можетъ существовать только въ партийныхъ органахъ, въ надпартийномъ же изданіи должепъ быть „полный просторъ и свобода личности“—печатай, что хочешь. И вотъ каждый сотрудникъ пишетъ: „Мое мнѣніе о задачахъ

журнала“. Куда уѣдетъ при такихъ условіяхъ электробашня „Сѣвернаго Гуслера“, руководимая А. Туфановымъ, А. Ковшомъ и К. Прудовскимъ, трудно предвидѣть. Единственное несомнѣнно, что подобнаго рода „анархическій индивидуализмъ“ исключаетъ всякую возможность существованія журнала. Когда нибудь А. Туфановъ разойдется съ А. Ковшомъ, и отъ этого журнала не поздоровится.

Непонятенъ все же одинъ пунктъ. Если „студенчество“— понятіе „стадное“, то чѣмъ же менѣе „стаденъ“ новый коллективъ „молодой надпартийной интеллигенціи“? Чтобы быть до конца послѣдовательнымъ въ своемъ „анархически-индивидуалистическомъ“ амплуа, журналу остается только переименоваться въ „Органъ шести молодыхъ надпартийныхъ интеллигентовъ“ (и интеллигентовъ ли еще?).

Но колебанія и сомнѣнія не мучаютъ руководителей „Сѣвернаго Гуслера“. Они видятъ предъ собою свѣтлую зарю и съ самоувѣренностью, которой могъ бы позавидовать и самъ издатель „Вѣстника Знанія“, восклицаютъ: „Съ нами, какъ личности, идутъ не десятки, а сотни и тысячи другихъ, подобныхъ намъ. Теперь насъ больше—и намъ веселѣе въ пути. Мы идемъ въ разсвѣтъ“.

Студентъ Н. С.

М. НЕЧИПАНКО-АНДРЕЕНКО.

СОЛДАТСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Получивъ мы пакетъ,
посылаемъ отвѣтъ
изъ далекой страны,
изъ театра войны.
Благодарностью всѣ
преисполнены мы
не имѣемъ нужды,
до середины зимы,
а ужъ если истекъ
мною указанный срокъ
не забудьте про насъ
посылайте сейчасъ.
Каждый даръ Вашъ святой
будетъ встрѣченъ въ тиши
съ пожеланіемъ Вамъ
всякихъ благъ отъ души.
Нѣтъ сомнѣнія въ томъ
Вашъ подарокъ съ письмомъ
общающимъ впредь
насъ героев жалѣть
есть залогъ напередъ
нашихъ грозныхъ побѣдъ.

И безъ помощи васъ
мы управимся съ „дастъ“
не поздней, но какъ разъ
съ появленіемъ „грассъ“
Но, а если на васъ
положиться сейчасъ,
что Вы семьи и насъ
не оставите впредь
подавня просить
нужду горькую зрѣть,
а вѣдь съ мыслью такой
веселѣй идти въ бой.
Мы и тутъ не грустимъ,
смотримъ смерти въ глаза,
да и сами не спимъ
нѣмцевъ бьемъ не щадя.
Гдѣ штыкомъ не сломить
дерзкій натискъ врага,
такъ мы бомбу туда,
а она такова,
какъ рванетъ—чистъ проходъ,
ты валяй! не зъвай!
Подвигайся впередъ.

Поздравляемъ Васъ съ Новымъ Годомъ и желаемъ Вамъ
того, чего Вы сами себѣ желаете.

До свиданія, остаемся съ чувствомъ глубокаго уваженія
и преданности къ Вамъ.

Саперы 2-й роты ...сапернаго батальона.

В. Л. К.

Наблюдатель на крыше.

Передовой отряд Краснаго Креста.

II. Съ передовой позиціи.

II—нѣ. 7 Янв. с/г.

Здорово, Катя, какъ живешь, мой свѣтъ?
Съ Пруссіи далекой шлю я вамъ отвѣтъ.
Я для мирныхъ людей напишу посланья,
А именно для ней, что извѣстно званья,
Благодѣтельница Катѣ
Напишу подробно:
Нахожусь сейчасъ я въ хатѣ
И пишу проворно.
Я подарки получилъ,
Получилъ конфеты.
Командиръ мнѣ ихъ вручилъ,
Всѣ ваши пакеты.
Попробуй теперь довольно,
Махорки хватаешь.
Благодарю я васъ покорно,
Пусть Господь караетъ.
Лишь одно я вамъ скажу,
Что здѣсь очень скучно,
И всю правду доложу—
Съ пикой неразлучно.
И здѣсь нѣтъ веселыхъ дней,
И нѣтъ развлеченья,
Я не вижу давно съ Ней,—
Тоска и мученья.
То, что было, все прошло,
Въ вѣчность улетѣло,
Теперь время подошло.
Забить—глупо дѣло.
Теперь время колоть, бить,
Стрѣлять пулей мѣтка
И побольше крови лить,
Чтобъ знала сосѣдка.
День и ночь здѣсь бой гудитъ
И сварады рвутся,
Широко такъ и летитъ,
Дуэлью дерутся.
Въ лѣсу слышны пулеметы,
Ура! раздаются,
Съ флангу вѣмцы ідіоты

Въ атаку несутся.
Вамъ подробно описать.
Бумаги нехватитъ,
А какъ будите читать
Васъ обморокъ хватить.
Вчесть крещенія аэрапланъ
Надъ градомъ носился,
Съ верху бомбами кидаль,
А къ вечеру скрылся,
Я конечно пострилялъ,—
Къ сожаленью непопаль.
Письмо ваше прочталь,
И отвѣтъ вамъ написаль.
Послѣ Новаго года
Стоитъ хорошая погода.
Малограмотень—простите,
Некрасиво—извените;
Неизвестный вамъ драгуль,
Полка 3-го скакунъ,
Н....ецъ запасной,
Но вояка неплохой;
Всемъ привѣтъ мой передаи
И отвѣтъ сюда мнѣ дай;
Петроградъ весь будь здоровъ.
Драгунъ Владимировъ.
Что новаго, напишите,
Нары двѣ кольсонъ пришлите.
Насъ команда удалцовъ,
За начальника Хромцевъ,—
Онъ гостинцы раздываль,
По кisetу всемъ даваль.
Мы въ Пелькаленѣ въ летучкѣ,
Восемъ насъ—стоимъ всѣ вкучкѣ.
И теперь имею честь
По порядку перечестъ.
Насъ всехъ восемь удолецевъ:
За начальника Хромцевъ,
А помощникъ его Шметка
Онъ стрѣляетъ очень метко,
Еще Васка Гастралеръ,
Популярность приобрелъ,
Вечно въ Москвѣ проживальъ,
Разну зеленъ продаваль.

Еще кланяется вамъ смеетъ
 Два Георгія имеетъ
 Матвѣенко вистовой,
 Онъ теперь въ мѣстѣ со мной.
 Гусевъ съ кайзера усами
 Благодаренъ очень вами,
 Но считать, то что талковъ.
 Есть Нижниковъ Чапrikовъ
 Владимировъ Козловъ.
 Благодарить мы васъ посеемъ:
 И просить васъ честь имеемъ.
 Теперь проходить Святки,
 Но мои просить ребятки,
 Чтобъ прислали вы перчатки,
 Вы жители Петрограда,
 Благодарить васъ сильно нада.
 А еще приснился сонъ,
 Что пришлете вы кольсонъ,
 Здесь стоитъ славный морозъ,
 Намъ пришлите папирозъ.
 А теперь пока прощайте,
 Что новаго, извѣщайте.

Что новаго о войнѣ,
 Пропишите сюда мнѣ,
 А мы здѣсь пока деремся,
 Каждый день съ германцемъ бьемся.
 Будь здоровъ весь Петроградъ!
 И сердечно буду радъ.
 Монополка прекратилась,
 Въ странѣ трезвость заявила.
 Такъ живете вы въ сталицѣ,
 Во прекрасной во свѣтлицѣ,
 И слѣдите за войной,
 Переписывитесь со мной.
 Я надѣюсь, побѣдимъ
 И вамъ вѣсточку дадимъ.
 Итакъ, мадамъ, извѣните,
 Что прошу у васъ, пришлите.
 Мы васъ помнить будемъ вѣчно,
 Благодарить будемъ сердечно.
 Ну, и такъ, мадамъ, простите,
 За стишекъ вы извѣните:
 Не поэтъ я, не писатель,
 Преключенія искатель.

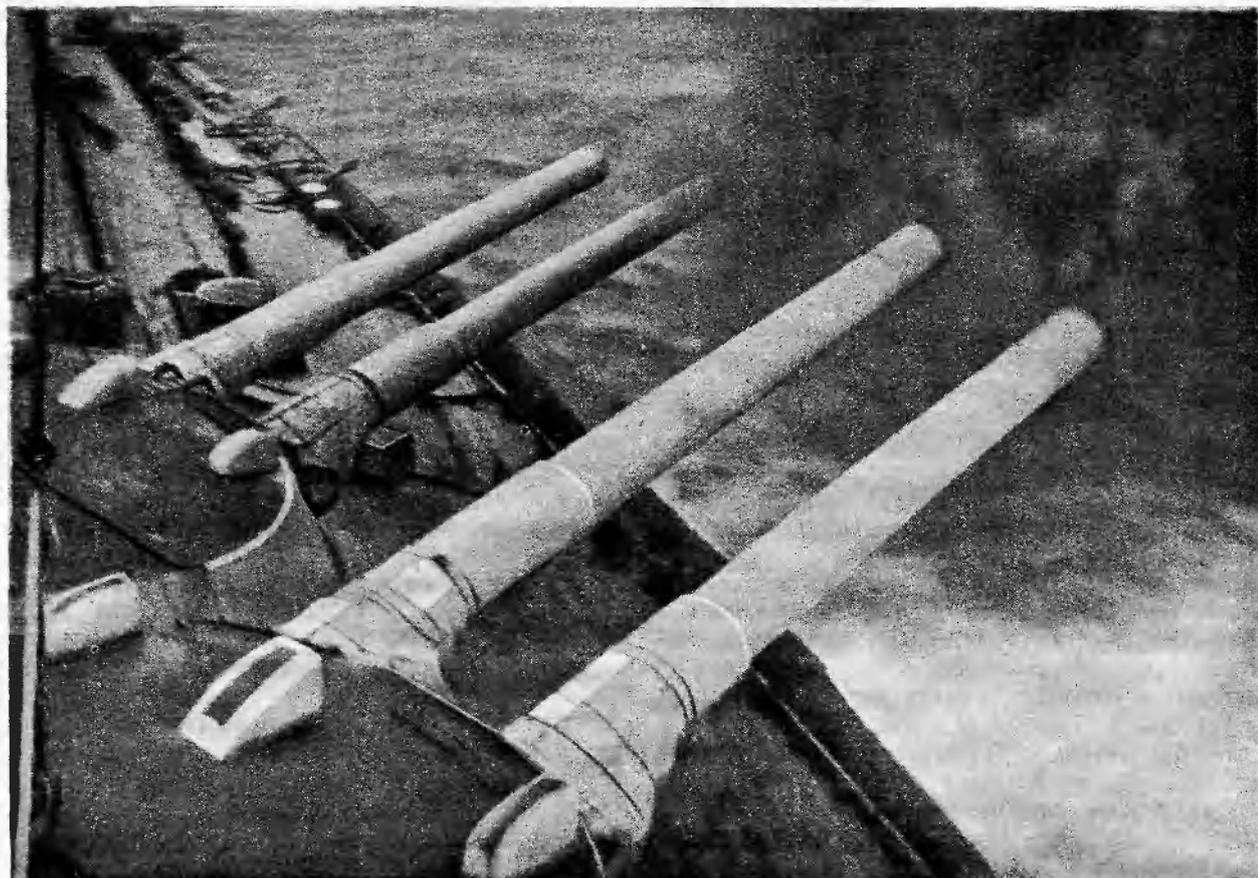
До свиданія.

Адресъ мой: действующая армія... драгунскій полкъ,
 5-й эскадронъ.

В. Е. Владиміровъ.

Военный почтальонъ.

Съ древноуа.

В. БЕСТУЖЕВЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ СМЪНА.

Кажется, уже сто лѣтъ тому назадъ нашъ первый литературный критикъ по призванью спросилъ: „Есть ли у насъ литература?“—и отвѣтилъ, что еще нѣтъ, что есть писатели, книги, книжныя лавки, но нѣтъ литературы. Прошло почти сто лѣтъ, и мы можемъ повторить то же самое въ томъ же смыслѣ, въ какомъ объ этомъ говорилъ старый критикъ, и въ томъ же смыслѣ, въ какомъ его мысль можно распространить далеко за предѣлы только литературы: у насъ есть многое—много людей, не только обыкновенныхъ, но конечно и гениальныхъ, и гениальныхъ, можетъ быть, больше, чѣмъ обыкновенныхъ, но у насъ нѣтъ литературы, потому что у насъ нѣтъ единства; у насъ нѣтъ вообще культуры, потому что культура есть единство. У насъ есть литературныя явленія, есть вообще культурныя событія, но они не связаны, не сдѣланы таинственной связью въ сознаниі. И здѣсь, задавая себѣ сразу тревожный вопросъ: „Неужели вовсе и ничѣмъ не связаны?“, и отвѣчая на него, мы встречаемся съ тѣмъ характернымъ въ нашей жизни, въ чемъ пока все несчастье, но въ чемъ нѣтъ никакой безнадежности, потому что есть всѣ возможности, которыя могутъ п

должны сказаться. Отвѣтъ мой такой: таинственная связь объединяющая отдѣльныя явленія нашей жизни въ единство культуры, есть, но она въ возможности—и не въ отвлеченной возможности (тогда о ней не стоило бы и говорить), но въ возможности самой дѣйствительной, кровной, потому что эта таинственная связь, въ этой кровной возможности, находится въ самой народной средѣ. И не подумайте, что я имѣю въ виду при этомъ нѣчто славянофильское или народническое, это было бы, если не прямо отвлеченно, то слишкомъ расплывчато,—нѣтъ! подъ народной средой я разумѣю ту, о которой здѣсь и можетъ быть только рѣчь: объ интеллигенціи, о публикѣ—примѣнительно къ литературѣ, читателей. Оставимъ сейчасъ тему болѣе общую—о культурномъ сознаниі; единство русской литературы—связь, которая соединяетъ ея отдѣльныя явленія въ единство,—находится не столько въ нашей литературной критикѣ, которая и должна была бы давать это единство, а въ читательской средѣ. Читательская среда, какъ всякая народная масса, стихійна и полусознательна, но въ смутной глубинѣ сасего сознания или же въ мгновенномъ проясненіи его

русскій читательскій судъ бывалъ вѣрнѣе критики и имѣть свои пути и свою удивительную исторію.

Съ такимъ же каменнымъ упорствомъ, съ какимъ наша критика держалась и держится старыхъ литературныхъ традицій (старинный споръ шишковцевъ и карамзинистовъ, кажется, остается ея вѣчнымъ символомъ), русская читающая публика съ такой же стихійной неосмотрительностью сама выбираетъ себѣ кумиры и имъ молится, и если создаетъ, въ своей стихійности, порою культуры случайныхъ и недолговѣчныхъ извѣстностей, то развѣ не она же, помимо и вопреки критикѣ, создавала популярность писателямъ настоящимъ, въ то время какъ критика съ глухимъ консерватизмомъ, именно съ каменной непреклонностью цѣлыя десятилѣтія держалась старого? Я уже привелъ примѣръ изъ далекой старины, но тѣмъ, кто знакомъ съ проявленіями нашей критики въ теченіе всего минувшаго вѣка, вспомнится и то, какъ и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова цѣнила публика, а не критика, и еще разъ помянемъ добромъ Вѣлинскаго за то, что онъ говорилъ противъ голоса критики — въ пользу голоса публики, и то, какой просто вздоръ говорила современная критика о Толстомъ, да и о Тургеневѣ, и о Гончаровѣ, и о многихъ, многихъ другихъ, между тѣмъ какъ и Толстого, и Тургенева, и Гончарова и читали, и предъ ними благоговѣли, и на нихъ воспитывались, и какъ Чеховъ горько, уже въ послѣдніе годы, говорилъ устами своего героя, но явно самъ про себя, что — вотъ умрешь, и все будутъ говорить: „Да, хорошо, хорошо... а все-таки — не то, что Тургеневъ!“. О Чеховѣ, который въ то время для русскаго читателя былъ необходимостью — родной, неотъемлемой! Правда, публика незадолго предъ этимъ негласнымъ культомъ Чехова создала громкіи культъ Надсона, а затѣмъ Горькаго, но, во-первыхъ, именно эти не вполне заслуженные культы критика того времени и склонна была поддерживать и имъ даже способствовала, а, во-вторыхъ, развѣ при этомъ критика сдѣлала что нибудь для выясненія подлинныхъ литературныхъ цѣнностей, развѣ она въ то время (80—90 годы) просто-напросто не отсутствовала? А отношеніе ея къ властителю многихъ и многихъ думъ — къ Достоевскому? Словомъ, состояніе критики и повинно въ томъ, что отдѣльныя литературныя явленія у насъ не слились въ сознательное единство и были отданы стихійному суду читателей, которые все-таки поддерживали ту страсть къ литературѣ, безъ чего она не можетъ быть, а не то, что развиваться; и пусть читатель дѣлаетъ ошибки — разумѣется, онъ долженъ былъ ихъ дѣлать! — ошибки страстныя, неосмотрительныя, но двигающія, и основное критическое сознание было въ сердцахъ читателей, а не критики, которая или спала, или отсутствовала, или держалась юбилейныхъ традицій, полувѣкового или вѣкового срока, а въ лучшемъ случаѣ участвовала въ преувеличенномъ культѣ ложныхъ кумировъ, но не вносила критическаго сознанія, въ чемъ, кажется, и заключается назначеніе критики! Такъ — публика и критика не сливались; критика не руководила публикой, и чѣмъ дальше, тѣмъ это несоотвѣтствіе критики и публики раскрывалось все глубже.

Приблизительно съ такихъ же размышленій началъ свою литературную дѣятельность Д. С. Мережковскій, когда онъ, еще совсѣмъ юношей, открылъ курсъ публичныхъ лекцій, въ первый разъ сдѣлавшихъ его имя популярнымъ, такъ какъ въ то время онъ выступилъ еще только какъ авторъ лирическихъ стихотвореній — и до сихъ поръ наименѣе значительнаго изъ всего, имъ написаннаго, и смыслъ этихъ, теперь уже давнишнихъ, размышленій осуществился на немъ самомъ:

Мережковскій имѣть читателей, онъ очень популяренъ, любимъ и вліятеленъ, но онъ не имѣетъ критики. Собранные сочиненія Мережковскаго во множествѣ томовъ (цѣлыхъ пяти изданій) не есть и для нашей дремлющей критики только количественный фактъ, но мы, пока она еще дремлетъ, можемъ спросить себя: „Что означаетъ этотъ фактъ для русскаго читателя, который знаетъ и любитъ Мережковскаго? Какимъ онъ его знаетъ и за что любитъ?“.

Мережковскій есть одно изъ самыхъ национальныхъ явленій — и въ этомъ тайна его непосредственнаго вліянія. Онъ началъ съ лирическихъ стихотвореній, писалъ большія стихотворенія ввидѣ рассказовъ, переводилъ греческихъ трагиковъ, Дафниса и Хлюю, читалъ публичные лекціи, писалъ критическія статьи, историческіе романы, опять — статьи и цѣлыя изслѣдованія, критическія, публицистическія, написалъ историческую драму, еще романъ; основывалъ религиозно-философское общество, развившееся изъ той кружка (сначала очень обширнаго, потомъ очень тѣснаго), который собирался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у него въ квартирѣ. Но прежде всего и превыше всего Мережковскій есть именно общественное явленіе, какъ бы ни были значительны его „сочиненія“, и самыя сочиненія его (не только его личность въ нихъ) есть общественное явленіе, цѣнность котораго стоитъ предъ нами еще не опредѣленной въ ея главномъ смыслѣ. И самъ Мережковскій, послѣ долгихъ умственныхъ скитаній, пришелъ къ идеализаціи общественности, потому что самъ онъ есть востину воплощеніе общности — русской, по не въ томъ, разумѣется, совершенно обуженномъ смыслѣ, въ какомъ это слово привыкли у насъ понимать подъ вліяніемъ критики, съ полвѣка тому назадъ, и съ тѣхъ поръ съ наивной консервативностью держатся его какъ старину шишковцы держались Ломоносова! Герои въ русской общественной мысли смѣнялись героями въ теченіе цѣлаго столѣтія. Первымъ героемъ былъ Вѣлинскій (Герцена позабыли), потомъ — Чернышевскій, Добролюбовъ, Михайловскій, это — революціонные герои; но всеобщій культъ Льва Толстого еще въ 80-хъ годахъ внесъ въ что новое въ психологию этого апофеоза: по отношенію къ Толстому совершалось уже поклоненіе не предъ революціей только, но еще предъ чѣмъ-то большимъ, чѣмъ революція, предъ тѣмъ, во что входилъ и революціонизмъ, или что было ему родственно, но главное — предъ духомъ религиозно-общественнаго пророчества. И это поклоненіе Толстому было побѣдой публики надъ критикой, потому что оно совершалось мимо нея и вопреки ей. Русская критика, начавшаяся (если не считать вопроса академически) съ Вѣлинскаго и пройдя черезъ (не считая пренебреженнаго Ап. Григорьева) Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, закончилась Михайловскимъ; здѣсь — начало, расцвѣтъ и конецъ ея вліянія. Послѣ того критика застываетъ въ своемъ консерватизмѣ, а большая часть публики идетъ независимо отъ нея и наряду съ культомъ Михайловскаго — послѣднимъ вліятельнымъ критикомъ — создаетъ самостоятельную культъ Толстого, не поддерживаемый вліятельной критикой. Что же сказало въ этомъ самостоятельномъ выборѣ кумира — и кумира уже не спорнаго, какъ бывало раньше, а безспорнаго, востину великаго (пусть даже не соглашались ни съ единымъ словомъ Льва Толстого)? Я уже сказалъ — революціонный идеализмъ, какъ таковой смѣнялся религиозно-общественнымъ пророчествомъ: настроеніе русскихъ людей пошло въ сторону богоисканія. Это началось во всякомъ случаѣ уже въ 70-хъ годахъ. Кромѣ Толстого искателемъ Бога былъ и Достоевскій, а вслѣдъ за нимъ Вл. Соловьевъ (сейчасъ не будемъ уже углубляться въ

ных и благородных, его дарованіе только мерцает, и иногда слышимъ тускло; въ романах продуманных и часто увлекательных, его образы свѣтятъ нерѣдко недостаточно художественнымъ свѣченіемъ, т. е. не вполне сосредоточеннымъ, жизненнымъ, органическимъ, между тѣмъ какъ Мережковский именно—весь сосредоточеніе, жизненность, органичность. И таковъ онъ въ своихъ статьяхъ критическихъ, общедневныхъ—и особенно литературно-общественныхъ. Здѣсь онъ весь, здѣсь возрожденіе критическаго духа Вѣлинскаго, преображеннаго въ новомъ блескѣ и, я думаю, превзойденнаго. Ни чисто эстетическая, никакая другая—чистая, глая—критика, русскому обществу несродна; слишкомъ органично, живо оно. Для него литература—наше все, какъ выражался когда-то Ап. Григорьевъ, и потому-то оно и создало, и поддержало, и вынесло на своихъ плечахъ такую литературу, которая, если принять во вниманіе всѣ невозможныя условія, какъ среду, ее окружавшую, есть (позволю себѣ привести первыя слова, которыми я когда-то началъ свою первую критическую замѣтку по тому же вопросу) наше сокровище, наше чудо, наша истина!

Въ стихотвореніяхъ Мережковскаго слишкомъ много критическаго сознанія для лирика, въ романахъ тоже,—и притомъ еще историческаго,—переводчикъ Мережковский конечно всегда—внутренно критикующій; и во всемъ это—критика не чисто эстетическая—отнюдь и шкода имѣть!—и не только философская, и не прямо общественная, но критика вообще, въ дѣломъ, сливающаяся въ томъ понятіи, которое раньше такъ любилъ Мережковский,—культуры. Въ этомъ ея дѣйствительное единство. И у кого до Мережковскаго въ нашей критикѣ было это единство? Его хотѣли видѣть у Вѣлинскаго, но у Вѣлинскаго оно было только въ зачаткахъ—юношескихъ и наивныхъ. У Ап. Григорьева?—но онъ былъ, при всей своей бурности и прозорливости, отравленъ слишкомъ бытовымъ национализмомъ. Конечно ни у кого изъ школы Вѣлинскаго вплоть до Михайловскаго. Можетъ быть—у Страхова? Но Страховъ былъ прежде всего блѣдный и малопечатливый умъ, и его одиночество и неизвѣстность—не только случайность.

Итакъ, вотъ на что надо указать въ Мережковскомъ, какъ на основное свойство его писательской личности, это—несмотря на всю его субъективность, горячность, даже нетерпимость, увлеченія, крайности,—стремленіе, еще имѣющее, жажда синтеза, синтеза не отвлеченнаго, философскаго, уравновѣщеннаго, но того синтетическаго чувства общности, котораго больше всего всегда ждало и ждетъ русское общество, внутренне, безсознательно для себя религиозное. И не одной только умственной формулой является формула Мережковскаго—религія и революція, или—шире и точнѣе—религія и общественность, которыя отвлеченно сливаются въ понятіи культуры, а въ дѣйствительной жизни обуславливаютъ подлинно-национальный характеръ и нашего общественнаго сознанія, и нашей литературы.

Мережковский первый открылъ въ этомъ смыслѣ для насъ нашихъ великихъ писателей—Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевскаго, поставилъ ихъ въ новое положеніе, и теперь мы уже пользуемся его открытіями, какъ шаблонами, такъ же какъ и многими его выраженіями и оборотами—не только слова, но и мысли—сами того не замѣчая. И эти новыя и живыя открытія и слова вытѣснили наконецъ омертвѣвшія въ сознаніи Михайловскаго формулы, господствовавшія у насъ въ теченіе полувѣка. И опять скажу: Мережковский—не одинъ конечно, но онъ—самый крупный знакъ послѣдняго литературнаго двадцатилѣтія, и притомъ—

начинатель, если не считать В. Соловьева, который ему предшествуетъ и который былъ всегда и во всемъ философиченъ, тогда какъ Мережковский прежде всего и по преимуществу—критикъ,—такой, какимъ критикъ и долженъ быть, т. е. стоящій и колеблющійся на всѣхъ границахъ, сопрягающихся съ ней,—и поэзи, и общественности, и философіи—въ данномъ случаѣ религиозной.

Мережковский-критикъ постоянно переходитъ въ Мережковскаго-поэта, его поэзія постоянно соскальзываетъ на философію культуры. Что художественнѣе—его романы или его критическія статьи, или публицистическія? Это такъ же какъ у Герцена, но у Герцена были именно разныя области проявленія, объединяемыя вообще въ единствѣ его гениальности, у Мережковскаго это-то какъ разъ и характерно. Такимъ образомъ онъ явилъ собой новый типъ критическаго, еще лучше—культурно-критическаго сознанія, въ которомъ объединяются или сливаются, но разрѣшаются разрозненныя звуки нашей умственной культуры, поэтому роль Мережковскаго для нашего времени подобна той, которую имѣла полувѣка тому назадъ Вѣлинскій, но не въ узкомъ отношеніи къ одной области—къ литературѣ (такъ какъ и роль Вѣлинскаго была же иная!), а та самая, какую приписывали Вѣлинскому, называя его „центральной натурой“ своей эпохи. И взаимоотношенія Мережковскаго и Вл. Соловьева—съ одной стороны, и Вѣлинскаго и Герцена—съ другой, надо поминать другъ друга, хотя только отчасти. Но я сдѣлаю это сопоставленіе, чтобы въ заключеніе еще разъ, повторивъ Мережковскаго около Вл. Соловьева, разграничить ихъ значеніе для насъ: Герценъ создавалъ для Вѣлинскаго идеологическую почву, на которой Вѣлинскій сталъ проповѣдникомъ; то же самое и Вл. Соловьевъ по отношенію къ Мережковскому, но Вѣлинскій и Герценъ были сверстниками, и Вѣлинскій не сходилъ и навѣрное никогда не сойдетъ бы съ почвы герценианства; Мережковский идетъ къ Соловьевымъ, но, во-первыхъ, не только за нимъ, но и за Толстымъ, и въ особенности—за Достоевскимъ, а, во-вторыхъ, въ сторону отъ Соловьева, хотя идеологическая почва создавалась еще Соловьевымъ.

На этой подготовленной почвѣ Мережковский становится проповѣдникомъ, какъ выразитель не собственно философской идеологіи, а централизующаго критическаго сознанія, но синтезируя Мережковский не остается ни на одну минуту на философской кафедрѣ; онъ скорѣе могъ бы, сойдя съ ея ступенекъ, взойти на ступеньки другой кафедры, на которую выходили Лютеръ или Цвингли, но онъ остается на улицѣ, на площади—и въ этомъ его огромное значеніе, потому что часъ для того, другого шага, если и очень близокъ, то еще не насталъ, и его сдѣлать, можетъ быть, уже не Мережковский, а ктонибудь другой или другіе, такъ страстно вызываемые имъ изъ среды русскаго общества „Гдѣ ты, живъ человѣкъ, откликнись!“—чтобы не только перейти древнему—пророческому, но и по болѣе близкому намъ, нашему национальному завѣту, слово стало плотью (Евангелие), мысль—не мечтательностью, а дѣломъ (Вѣлинскій—Чернышевскій—Добролюбовъ).

Есть надежда на это—и очень большая—въ томъ, что Мережковский признанъ публикой помимо или даже вопреки критической литературѣ. Въ этомъ читательскомъ признаніи Мережковскаго русское общество вступило въ новую стадию своего развитія, въ ту самую, которая характеризуетъ личность Мережковскаго, но только еще безсознательно и полусознательно для себя.

В. Бестужевъ.

Три министра финансов: гг. Баркз. Рибо и Ллойд-Джорджъ на конференціи въ Парижѣ.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Ананасы въ ханжѣ.

Было бы и менѣе банально, и болѣе современно, если бы именно такъ назвали свою „новую“ книгу Игорь Сѣверяннинъ. Ананасы теперь — дорогіе, а шампанскаго вовсе нѣтъ. Теперь парить „ханжа“, вареный денатуратъ съ квасомъ, модно-модернь, отъ котораго (по словамъ одного опытнаго рецензента) надолго остается поганый привкусъ во рту.

И не только просто современнѣе, но, главное, вѣрнѣе было бы назвать ту жидкость, гдѣ плаваютъ ананасы И. Сѣверяннина, ханжей, чѣмъ шампанскимъ. Шампанское, даже самое плохенькое, играетъ, а тутъ тѣни игры нѣтъ.

Скажемъ сразу: мы не хотимъ разбирать книгу стиховъ И. Сѣверяннина, не станемъ ее критиковать. Можно бы заняться статистикой, вычислить, сколько у И. Сѣверяннина русскихъ словъ, сколько французско-нижегородскихъ; можно позавать все одуряющее однообразіе приемовъ въ нарочито-социальныхъ словахъ, — плодъ тяжелаго механическаго труда. Мало ли что можно! И совсѣмъ нетрудно. Но не это насъ интересуетъ. Чтобы оцѣнить стихи И. Сѣверяннина какъ стихи, со стороны и формы, и содержания, достаточно процитировать одну-единственную строку новѣйшаго его стихотворенія (январь 15), которое открываетъ книгу („Гвертюра“). Вотъ эта исчерпывающая строчка:

„Я трагедію жизни превращу въ грезифарсъ“.

Нѣтъ, не стихи И. Сѣверяннина интересуютъ насъ и не И. Сѣверяннинъ какъ поэтъ или какъ человѣкъ, а скорѣе все вмѣстѣ, вся совокупность явленія, а также судьба, доля И. Сѣверяннина.

И тутъ опять мы не хотимъ критиковать, т. е. судить, только смотрѣть и видѣть.

Поэта мы знаемъ; человѣка мы не знаемъ, но сквозь поэзію чувствуемъ. Чувствуемъ полярность „поэта“ - Сѣверяннина и „человѣка“ - Сѣверяннина. То есть мы убѣждены, что И. Сѣверяннинъ — человѣкъ простой, скромный, робкій, стра-

дающій, какъ всѣ, трудящійся въ потѣ лица, какъ всѣ; добрый, хорошій человѣкъ; только съ исключительно слабой волей. И вотъ съ этого все и начинается.

Какой-то чертъ, взрослый, но изъ нудныхъ и неудачливыхъ, такъ долго приставалъ къ начальству, вянгаль и канючилъ, выпрашивая себѣ человѣка, что адскіе высшіе чины плюнули: „Да пошелъ, бери, кого знаешь, подавись!“ Чтобы не подавиться, чертова кашока высмотрѣлъ кого послабѣе волей и на него насѣлъ.

Къ радости чертовской, онъ нашелъ слабого человѣка съ большой способностью къ своему дѣлу; вѣдь цѣль черта не столько самаго человѣка испоганить, сколько извратить, использовать его способности такъ, чтобы дѣло рукъ его шло уже не ко благу другихъ людей, а ко вреду.

И. Сѣверяннинъ не виноватъ, если не вина — отсутствіе всякой воли, даже воли къ сознанию. Онъ честно трудится, какъ умѣетъ, онъ только не видитъ, что дѣлаетъ свое дѣло по указкѣ и подсказкѣ господина. Развѣ свойственно дулѣ человѣческой, глубокой и строгой въ своей человѣчности, пожелать (да еще сегодня!) трагедію жизни „превратить въ грезифарсъ“?

Но черту изъ неважныхъ свойственно и пожелать (безплодно, вѣдь всѣ черговскія желанія безплодны), и, главное, крикнуть это, чтобы другіе слышали, чтобы чужія души человѣчески, неспособныя родитъ такое желаніе, соблазнились прикосновеніемъ къ нему. Дешевый соблазнъ, мгновенное обезчеловѣченіе. Но нечистовому черту и то пища.

Недаромъ меня увѣряли многие, небывавшіе и „поэзо-вечерахъ“ Сѣверяннина, что лапа слушающихъ „поэзы“ дѣлаются какими-то звѣриными. Можетъ бѣть, и у тѣхъ, кто это говорили, тоже дѣлались звѣринныя лица, потому ужъ они опомнились и замѣнили общую звѣринность. Хуже всего, что молодежь не брезгаетъ этими эмоціями и поддается на провокацію черта, не отдавая себѣ отчета, что за эту старую звѣринную гримасу продаетъ кусокъ своей молодости.

Даже печать „лакейства“, которую незлѣбно кладетъ чертъ на все и на всякаго, кѣмъ владѣетъ, — даже и это не

очень остававливаетъ предъ похотливымъ прикосновениемъ къ чертовой задачкѣ: не превратить ли трагедію жизни въ грезо- или грязе-фарсъ? Мнѣ говорилъ недавно одинъ современный мудрецъ: „Да вѣдь Игорь Сѣверянинъ былъ предсказать еще Достоевскимъ. Помните, у него есть лакей, который носить галстухъ „аделаидина вѣта“ и, выбирая себѣ фамилию, останавливается на Эсебукетовъ?“. Да, правда, только не Игорь Сѣверянинъ—лакей, а это чертъ положилъ на него свою лакейскую печать.

Повторяю, виноватыхъ я не ищу, но больше я даже не хочу и не могу никого жалѣть. Ни Сѣверянина, ни его звѣриныхъ, мгновенныхъ, послѣдователей. Тутъ в просъ воли, и если найдеть въ себѣ И. Сѣверянинъ достаточную волю, чтобы освободиться отъ насѣвшего черта, а его слушатели—отъ чертовской провокаціи,—слава Богу! Не найдутъ—значитъ, всего этого и достойны.

Совершенно такъ же не виню я и не жалѣю тѣхъ, кто пьетъ „хажу“. Захотятъ—не будутъ пить, а если все-таки пьютъ и погибаютъ—значитъ, того и достойны.

Все, какъ они сами хотятъ.

Р. Р.

Тихія пѣсни.

Во всѣхъ консерваторіяхъ, у всѣхъ учителей пѣнія всѣ учащіяся мечтаютъ о сценѣ, объ оперѣ, всѣхъ привлекаетъ огонь рампы, всѣ ищутъ популярности у широкой публики. Концертная эстрада предоставлена неудачникамъ, выдающіеся вокалисты лишь снисходятъ до нея, романсная литература мирно спитъ на полкахъ потныхъ магазиновъ. За исключеніемъ Шаляпина и еще нѣсколькихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, никто изъ поющихъ теперь не отдаетъ своихъ силъ этому роду музыки—и лишь сейчасъ, въ недавнее время, въ камерныхъ концертахъ такъ ярко проявилось оригинальное творчество Зои Лодін.

Дочь пѣвственнаго пѣвца-тевора Лодін, Зоя Лодін обладаетъ двумя необходимыми для концертнаго исполнителя качествами—вокальной техникой и декламационнымъ дарованіемъ. Лирическое сопрано ея звучно и пѣвуче, тембръ его одинаково способенъ выразить и благородную, сдержанную грусть, и наивную, свѣтлую радость. Въ романсахъ старыхъ итальянцевъ и французовъ Лодін легко преодолеваетъ техническія трудности, и забытыя пѣсни оживаютъ и вновь становятся близка слушателямъ ихъ простая, прозрачная красота. Въ новомъ романсѣ пѣвица передаетъ всю сложность декламационнаго замысла, изысканную, воздушную прелесть Равеля, Дебюсси и иныхъ композиторовъ нашихъ дней.

Но не въ вокальной техникѣ, не въ декламационномъ мастерствѣ главное значение творческаго труда Зои Лодін. Всего важнѣе въ ней сложная, истинно-современная художественная индивидуальность. Конечно это же обстоятельство ставитъ нерѣдко преграды замысламъ пѣвицы; въ послѣднемъ своемъ концертѣ Зоя Лодін пѣла только Чайковскаго—и это былъ Чайковскій современный, осложненный, измѣненный порою почти до неузнаваемости. Тутъ поднимается вѣчный, неразрѣшимый вопросъ о личинности исполнителя композитору; на мой взглядъ, разрѣшаетъ его лишь творческая побѣда, и мы, нашедшіе такъ много новаго въ Тютчевѣ и Фетѣ, мы конечно будемъ привѣтствовать и любить этого новаго Чайковскаго нашихъ дней. Въ старинные романсы Варламова, Гурилева и Гтвова Лодін не вноситъ своей болѣзненной тревоги, сложной и трепетной влюбленности въ

недосказанность и намѣкъ, тутъ помогаетъ отдаленность эпохи, стремленіе къ стилизаціи. Тихія, грустныя и вѣжныя пѣсни Лодін духовно близки всему строю современнаго искусства.

„Одни отгѣнки насъ пѣняютъ“...—

писалъ еще Верлэнъ,—такъ волнуютъ душу, уставшую отъ уличнаго шума и грохота, эти полувзвукі, полувздохи, короткіе, пѣвучіе рассказы о влюбленности, печали и безнадежности. Искусство Лодін—легкія, свѣтлыя сумерки, въ которыхъ угрозы находящихъ тѣней смѣшались съ умирающей закатной прелестью минувшаго дня.

Русскій романсъ ждетъ еще исполнителей. „Жатвы много, а дѣлателей мало“, и конечно не единичнымъ художникомъ осуществить эту громадную и важную задачу. Но думается мнѣ, что расцвѣтъ камерной музыки недалеко,—тѣмъ яростнѣе грубѣе вѣшнее, тѣмъ сильнѣе въ душѣ желаніе уйти въ себя, прислушаться къ своему истинному, внутреннему бытію. Въ минуты углубленности, умудренной думы насъ отпугиваютъ огни театра—тогда-то еще роднѣе зазвучатъ тихія пѣсни Лодін.

Необходимо воплотить новое и заново переписать старое—отъ Глинки до Римскаго-Корсакова и Мусоргскаго—открыть еще до сихъ поръ невѣдомыя музыкальныя сокровищницы. Зоя Лодін идетъ по этому пути, огонекъ ея загорается, то вспыхиваетъ, то почти угасаетъ. Его дыханіе слабо и призрачно, но онъ не погаснетъ, такъ какъ питаетъ его страдающее, творческое сердце. И въ шумномъ весельи и въ жестокомъ горѣ мы вспоминаемъ съ благодарностью пѣвчюстью о золотой осени—тихихъ, свѣтлыхъ пѣсняхъ Зои Лодін.

Димитрій Крючковъ.

ХРОНИКА.

На дняхъ въ берлинскомъ университетѣ профессоръ Адольфъ Гольдшмидтъ прочелъ лекцію о бельгійской художественной культурѣ. Лекторъ отмѣтилъ огромное значеніе искусства Бельгии, гдѣ уже со временъ Каролинговъ сталкивались культуры двухъ націй. Въ старой Бельгии произошло открытіе ландшафта. Долина Мааса съ давнихъ поръ была родиной прекрасныхъ издѣлій изъ мѣди, получившихъ названіе динанскихъ издѣлій (по городу Дипант). Тутъ же во Фландріи, расцвѣло искусство тканыхъ ковровъ. Но самое примѣчательное для старой Бельгии—это необыкновенный расцвѣтъ здѣсь поздней готики (свѣтлѣющаго стиля). Тутъ лекторъ перешелъ къ лувэнскому собору, такъ часто переоцѣниваемому. Лекторъ даже имѣлъ смѣлость порицать тѣхъ, которые находятъ, что «въ борьбѣ, сраженіи идетъ о человѣческой жизни, произведение искусства не играетъ роли». «Художественное произведение,—замѣтилъ лекторъ,—подобно человѣку и не можетъ родиться вторично». Но все же онъ утѣшилъ своихъ соотечественниковъ заключительной фразой: «Горевать по погибшемъ произведеніи искусства не слѣдуетъ, если одновременно гибнетъ столько человѣческихъ жизней».

Въ апрѣлѣ прошлаго года, когда исполнило 300-лѣтіе со дня смерти Эль-Греко, въ Толедо, въ домѣ, гдѣ жилъ когда-то художникъ, была устроена выставка его картинъ. Мадридская академія искусства прилагала тогда всѣ усилия къ тому, чтобы собрать сюда всѣ произведенія Эль-Греко, и никто не подозрѣвалъ, что недалеко отъ Толедо, въ Пуэрта дель Соль, въ древней церковкѣ Санъ-Хинесъ хранится одна изъ лучшихъ картинъ Греко. Картина эта изображающая «Изгнаніе торговцевъ изъ храма», недавно была открыта извѣстнымъ въ Испаніи знатокомъ искусства маркизомъ Санта-Марія де Сильвелла. Она имѣетъ въ ширину 1,11 метра, а въ высоту—1,07 метра. Въ настоящее время картина, представляющая по отзывамъ знатоковъ сказочную симфонію фіолетоваго, желтаго, блѣдно-зеленаго и сѣраго отгѣнковъ, выставлена въ музеѣ Прадо.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

10-ый
годъ изданія.

РЪЧЬ

10-ый
годъ изданія.

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

И. И. ПЕТРУНКЕВИЧЕМЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

П. Н. Милюкова и І. В. Гессена

И ПРИ ПРЕЖНЕМЪ СОСТАВѢ СОТРУДНИКОВЪ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РЪЧЬ“ на 1915 годъ,

внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ за полгода, будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО**

ЕЖЕГОДНИКЪ ГАЗЕТЫ „РЪЧЬ“

на 1915 г.;

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОЙНѢ.

Время разсылки „ЕЖЕГОДНИКА“ будетъ зависѣть отъ хода военныхъ событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	9 мѣс.	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15	1.10
За границу Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—	2.—

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р., 75 к., 6 м.—4 р., 50 к., 3 м.—2 р., 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главной конторы газеты „РЪЧЬ“:

Петроградъ, улица Жуковскаго, 21—121.

Пробные №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія
высылаются бесплатно.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательнее ли получать журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-ми книгами полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книгъ, а журналъ "ВСЕМІРНАЯ НОВЬ" — съ 82-ми или 50-ю книгами сочинений Л. Н. Толстого.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОФОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 страницъ текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высококачественной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **биографія**. Обложка художника Д. Н. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

- РОМАНЫ и ПОВѢСТЕИ:** „Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крепцерава соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Поликушка“.
- РАЗСКАЗЫ:** „Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ огрѣдѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холостой бракъ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.
- ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:** „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней все качества“.
- ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:** „Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшочекъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Гермонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч.
- ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:** „Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите съ свѣтъ“, „Кающихся грѣшниковъ“ и проч. 32 произведенія.
- РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЯ СОЧИНЕНІЯ:** „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг. — **КРУГЪ ЧТЕНІЯ**.
- СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія. — **ПЕДАГОГИЧЕСКИЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году
ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“ — первый русский иллюстрированный еженедельникъ, поставивши себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, Н. Бруншвина, Б. Верхоустинскаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добролюбова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Нарачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташова, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережинскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. Н. Соколова, Ф. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:
52 №№ художеств.-литературн. журнала и
82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.
допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта — 2 р., къ 1-го июня — 2 р., къ 1-го августа — 1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ — 4 р. 50 к., за полгода — 2 р. 50 к., за 3 мѣс. — 1 р. 35 к.

Пробные номера — 20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — еженедельный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года
52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами — новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫИДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІИ

52 №№ юморстич. илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также
12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ — „СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к.
допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта — 1 р. 50 к., къ 1-го июня — 1 р. 50 к., къ 1-го августа — 1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и
50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ
Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**,
допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — **ДВА (2) р.**,
къ 1-го марта — 1 р. 50 к., къ 1-го июня — 1 р. 50 к.,
къ 1-го августа — 1 руб.